

”

Дмитрий Чупахин

Иди на завод
работать

А явку с повинной ты
не хочешь написать?

У меня шестеро детей,
мне не до книг

Я подаю
на развод

Книга

О ТОМ, как
я написал
эту книгу

18+

Дмитрий Чупахин
Книга о том, как я
написал ЭТУ книгу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55543023

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга подтверждает свое название и рассказывает о трудностях, которые сопровождают работу начинающего автора. Боязнь чистого листа, комплекс самозванца, творческий кризис, – проблемы растут снежным комом, а цель все дальше. Ведь даже если эту книгу удастся написать, то кто ее прочтет?

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Боязнь чистого листа	8
Глава вторая. Автобиография	10
Глава третья. Список литературы	13
Сборник рассказов «Человек без определенного возраста»	14
«Аутсайдер»	16
«Точка А»	18
Глава четвертая. Неизданное	19
«Астролог»	20
«Жалобная книга»	21
«О(т)печатки»	22
«Великий и могучий»	24
«Фрилансер»	26
Глава пятая. Коронавирус	27
Глава шестая. Первый читатель	29
Глава седьмая. Света	31
Глава восьмая. Рецензия на “Книгу о том, как я написал эту книгу”	34
Глава девятая. опережая план	37
Глава десятая. Происшествие	39
Глава одиннадцатая. Конкуренция (внутренняя)	44
Глава двенадцатая. Конкуренция (внешняя)	47

Глава тринадцатая. Все против меня	50
Глава четырнадцатая. Беда не приходит одна	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

Хочу написать книгу. Крупную серьезную книгу. Чтобы она вышла в твердой обложке, чтобы побила рекорды продаж. Хочу разбогатеть на этой книге, чтобы больше не пришлось писать книг. Да и вообще, работать. Хочу, чтобы еще до ее написания, права на экранизацию были выкуплены Стивеном Спилбергом. Я бы не отказался от Нобелевки. И от награды за вклад в развитие культуры. Пусть эта книга войдет в список ста лучших книг за всю историю разумной деятельности человека, начиная от деревянной дубины и заканчивая парикмахерскими для животных. Пусть мой внук спросит: «Дедушка, а что это за книга, которую ты все время таскаешь подмышкой?» А я отвечу, что благодаря ей он не оказался в интернате. Точнее, подумаю. И мне останется только надеяться, что я не сказал этого вслух, я ведь буду очень старым. Хочу умирать с воспоминаниями о том, как я писал эту книгу. Строчка за строчкой, глава за главой, шаверма за шавермой.

Есть проблема. Я не знаю, о чем будет книга. Ни малейшего представления. Странно писать книгу без сюжета. Напиши то, не знаю что. И тут меня осенило: я буду писать книгу о том, как пишу книгу. Вернее, как пытаюсь это делать. Дурацкое занятие, знаю. Это бортовой журнал человека, который впервые в жизни решил хоть что-то довести до конца.

Хотя почему «хоть что-то», был же еще тот пазл со львятами.

Уже на этом этапе возникают претензии к идее. Например, для кого эта книга? Если я хочу, чтобы первый абзац воплотился в жизнь не только по части старческого слабоумия, то нужно заранее определиться с целевой аудиторией. Хм... а жена и родители считаются? Короче говоря, не знаю. Вообще ничего не знаю про эту книгу. Не могу гарантировать, что допишу ее, так чего ломать голову над такими нюансами.

Но. Я знаю, какой эта книга точно НЕ будет.

1) Это не художественное произведение. Все персонажи реальны, в том числе я сам. Действия этих персонажей происходили и происходят в реальности, если только это не постельная сцена в невесомости или сражение с разумными таксами, но думаю, это станет понятно по контексту. Здесь будут муки творчества никому не известного человека. Можно назвать это дневником.

2) Это книга не для тех, кто хочет научиться писать книги. Кто-то подумал, что это руководство для начинающих авторов? Я вас умоляю, я сам начинающий автор, чему я могу вас научить?

3) Это вам не комедия. Можно было подумать, что я собираюсь много шутить, но что смешного в том, чтобы писать в стол, страдать от недостатка мотивации и получать отказы от издательств?

Большого вам знать пока не требуется, точнее, я бы и рад рассказать что-то еще, но мне нечего вам сообщить.

Перечитал написанное. Пролог отвратительный, я бы такой книге не дал ни единого шанса. Хорошо, что никто, кроме меня, это не читает.

Глава первая. Боязнь чистого листа

Да, такая проблема существует. Подвержены ей, кажется, исключительно литераторы, потому что я, например, не слышал о поварах, которые боятся пустых кастрюль, или о татуировщиках, которые впадают в ступор при виде чистой кожи.

Боязнь листа – это когда не получается сдвинуть проект с мертвой точки. Когда ты понимаешь, что впереди столько работы, что за нее проще не браться. Или когда есть подозрения, что ты все испортишь.

Про боязнь чистого листа читаем у многих авторов, в том числе у классиков. Один из них, кстати, советовал: если не знаешь, о чем писать, сядь и напиши: «Я не знаю, о чем писать». Ну что ж, хорошо. Я не знаю, о чем писать. Даже не представляю, в этом и беда. У меня нет темы или плана.

А что у меня есть? Одно лишь название этой главы. Уже что-то. По крайней мере, оно помогло мне выжать из себя эти четыре абзаца.

В романе «Чума» действует начинающий писатель, который в своей работе все никак не может продвинуться дальше первой фразы. Он крутит ее и так и эдак, и что-то все время его не устраивает. Бедняга. Но я его понимаю. Сейчас я понимаю его еще лучше, чем в тот момент, когда читал «Чу-

му». Всему виной перфекционизм – гробовщик прекрасных начинаний, которые в какой-то момент показались не столь прекрасными их авторам. Хватит малости – нелепой фразы, реплики, опечатки, – чтобы проникнуться брезгливостью по отношению к тому, что еще недавно обожал.

Начать работу над книгой сложно вдвойне: хочется, чтобы все в ней было идеально. Но как такое может быть, если это твоя первая книга? И выход здесь только один – сделать как получится, тяп-ляп, сделать хоть что-то, написать плоско, постно, отвратительно, но написать. Надеяться на редактуру, не перечитывать, не обдумывать. Сейчас я занимаюсь тем же. Определенную услугу мне оказывает опыт работы с текстом. Я умею писать по заранее обозначенной теме, так принято в журналистике. О моих достижениях в этой области чуть позже.

Главное, что белый лист побежден, растерзан текстом в ключья, это первая, вероятно, самая важная победа.

Подумалось, как много шедевров пало жертвой этой губительной фобии. Как много гениев отказались воплотить в жизнь новую «Войну и мир» или «Преступление и наказание». С другой стороны, может быть, сквозь это сито не прорвались набившие оскомину сиквелы: «Война и мир 2», «Преступление и наказание: возрождение Раскольникова». Что ни делается – к лучшему. Надеюсь, это касается и моей книги.

Глава вторая. Автобиография

С этого, наверное, стоило начать, так поступают воспитанные люди: сначала представляются, а потом излагают свое дело. В любом случае, расскажу немного о себе. Вряд ли этот рассказ оправдывает идею написать книгу, но было бы странно откладывать его. Любая самая хилая обложка содержит информацию, кто все это наваял. Биографические данные призваны поддержать интерес читателя к произведению. «Очередной шедевр от короля ужасов Стивена Kingа...» «Автор 17 монографий и 125 научных статей представляет...» Читателю намекают, что если у автора такие заслуги, то нелепо пройти мимо его нового труда. Увы, в моем случае это не так. И я в раздумьях, чем всех вас привлечь и развлечь.

Мне 33 года, я живу в скромном и неопрятном уральском городке, что печально оцепенел от массовых смертей. Здесь дотла горели ночные клубы и падали самолеты.

В школе я учился довольно неровно и к моменту поступления в университет не проявил выдающихся наклонностей. Я выбрал исторический факультет и, пожалуй, не прогадал, потому что история человечества – это один длиннющий триллер, сериал-эпопея о страдальцах, героях, подлецах, любовниках и бравых вояках. Здесь куда ни плюнь – готовый сюжет, куда ни глянь – смертельная интрига. В этом сериале есть к чему придраться – он затянут, и финал, как говорится,

слишком предсказуем – но если вы хотите научиться сторителлингу, к черту курсы, просто возьмите учебник истории за седьмой класс и прочитайте его от и до.

Учеба в университете осложнялась тем, что я не мог сосредоточиться исключительно на интересующих меня сюжетах, а должен был разбираться во всем понемногу, а также знать на зубок все имена и даты. Как бы то ни было, эти пять лет стали для меня переломным моментом. Я писал статьи, в основном рецензии на фильмы, спектакли и выставки. Главным успехом на этом этапе была публикация нескольких текстов в местном выпуске «Российской газеты». После окончания университета я устроился работать продавцом мебели, но судьба была предreshена, и очень скоро я сбежал от журнальных столиков и кроватей king-size в офис делового издания, где строчил один текст за другим на тему автомобильного бизнеса, производства геморроидальных свечей (шутка) и торжественного открытия качели на детской площадке (не шутка). Иногда – все те же рецензии на книжки и фильмы. Я более или менее поднаторел в работе с непривычными темами, поэтому книга для меня – пустяк. Ха-ха.

Но журналистика оказалась не самым прибыльным делом, особенно, если учесть, что любой уважающий себя репортер просто обязан вести разгульную жизнь, питаться в пельменных и снабжать коллег женского пола куревом. Выходило разорительно, поэтому я пребывал в поисках лучшей доли, и однажды мне подвернулась должность в области пиара. Это

было не так интересно, но я хотя бы перестал бедствовать и хвататься за любую халтуру. Параллельно я открыл второй профессиональный фронт: обучение детей игре в шахматы. Сначала я сотрудничал с детскими центрами, продленками и прочими школами для юных дарований под чудовищно жизнерадостными названиями в духе «Солнечный круг», «Кот Морковкин» и «Познавариум». А затем перешел на стезю частного преподавания. Здесь вы меня и застали. Да, я училка. Репетитор. Тьютор, как сейчас модно говорить. Моя работа мне нравится. Я получаю в пять раз больше, чем получал журналистом, трачу на это в два раза меньше времени и занимаюсь вполне себе благородным трудом – воспитанием подрастающего поколения. В общем, я, к счастью, избавлен от внутренних конфликтов касательно нелюбимой работы и в каком-то смысле преуспеваю.

Что касается творчества, то им я занимаюсь со школьных времен. Первые рассказы были мрачными и реалистичными: о расхитителях могил, самоубийцах, массовых казнях и так далее. Неловко даже вспоминать те вирши. Нечто более осмысленное и любопытное удалось написать во время учебы в университете. Моим главным ориентиром стали рассказы Куприна, старался писать в том же ключе: печально, задумчиво, о человеке и человечности. С этого момента я и веду отсчет своих литературных (по)бед.

Глава третья. Список литературы

Того себя, который только что закончил университет, я бы назвал подающим надежды. Их я подавал по большей части самому себе, и с этими амбициями мне предстояло расстаться еще нескоро. В этой главе я опишу то, что тянет на определение «успех». Надеюсь, хоть кого-то этот перечень убедит, что и эта книжка небезнадежна.

Сборник рассказов «Человек без определенного возраста»

Летом 2009-го года мне позвонила Ольга Славникова и сказала, что ей очень понравились мои рассказы, которые я прислал на конкурс независимой премии «Дебют». Я долго думал, что голос Славниковой и наш с ней разговор мне приснились, потому что совсем недавно я прочитал ее роман «2017» и, если честно, был под большим впечатлением от ее стиля. Настолько под впечатлением, что некоторые рассказы из сборника, который я послал на «Дебют» Славниковой, мягко говоря, попахивали.

«Человек неопределенного возраста», очевидно, по рекомендации моей новой поклонницы вошел в лонг-лист премии, и я был уверен, что это только начало, ведь за меня ручался не кто попало. Пару месяцев я дожидался оглашения короткого списка и в итоге пролетел мимо него напрямик в стратосферу. Это, должен сказать, был удар. В день оглашения результатов я удалил с жесткого диска все рассказы и долгое время вообще ничего не писал.

Про сборник «Человек неопределенного возраста» могу сказать, что это были странноватые вещицы, проникнутые духом фантастического реализма. В заглавном рассказе, например, действовал начинающий писатель Николай Голощупов, который силится придумать роман, но занимает его

больше не сам процесс, а надежды и мечты о славе со всеми вытекающими: хвалебные отзывы, пресс-конференции, внимание женщин... Ничего не напоминает? Надо же, спустя десять лет я превратился в персонажа своих рассказов.

«Аутсайдер»

Рассказы мне, пожалуй, давались легче всего, и получались они... сносными. Некоторые я до сих пор перечитываю с удовольствием. Кое-что даже опубликовали. И даже не бесплатно. Но это были разовые успехи. Тем не менее, они подтолкнули меня к намерению написать что-нибудь крупное. Ну, я и написал. Футбольный детектив. Ничего себе смена курса, да? Это притом, что я не могу назвать себя ярым болельщиком или знатоком, но как-то так вышло, что я «заразился» одним сюжетом. (Мне кажется, что слово «заражение» удачно описывает состояние писателя, который поглощен свежей идеей. Она донимает его и не дает нормально жить. Соответственно, написание книги – это попытка излечить самого себя.)

Сюжет был в том, что некий спортивный траблшутер должен воспрепятствовать переходу талантливого легионера из клуба средней руки в стан столичного гранда. Далее, из аннотации: «Противодействовать ему предстоит не только амбициям и деньгам спортивных воротил, но и некой закулисной структуре, для которой данная сделка становится делом принципа». Короче, спойлер: закулисная структура – это гигантский конгломерат, который среди прочих непотребств занимается тем, что скупает с потрохами клубы, а затем использует их в целях набора очков, воспитания звезд и, ко-

нечно, хитрых финансовых многоходовок.

«Аутсайдер» мне до сих мил, я даже порывался сделать вторую часть, но что-то пошло не так. С тех пор он тихо проживает на полках магазинов электронных книг, там ему и место. Я писал его под псевдонимом Дмитрий Малков. Псевдоним происходит от улицы, где был дом моего детства.

Нестыковка: вначале сказано, что «Книга о том, как я писал эту книгу» – это попытка хоть что-то довести до конца, а тут выясняется, что я уже состоявшийся автор. Нет, ничего подобного. Публикации рассказов и нескольких книжек (большинство в электронном виде) не принесли мне желанной известности, не стали источником пассивного дохода, а скорее уж источником разочарований и стресса. Поэтому я не считаю эту работу законченной. Я написал кучу литературы, которая никому не пригодилась.

Логично, что от этой книжки мне нужна не только последняя точка, но и какое-никакое признание. Не многовато ли я хватил?

«Точка А»

А вот это уже самая настоящая книга, не электронная, а бумажная и выпущенная тиражом 2000 экземпляров. Единственное, это комикс. Ну да, комикс, а что такого? Вернее, графический роман, это уже ближе к литературному творчеству. Не слишком объемный. По отзывам читателей им хватило 15 минут, чтобы с ним справиться, но тем не менее.

Действие происходит в геометрическом мире, где Точка А ищет Точку В. И кто из вас скажет, что это не про любовь, пусть первый бросит в меня циркуль. Там много чего еще: многогранные личности и любовные треугольники, например. Мне и сейчас кажется, что «Точка А» – это тихий шедевр, вот только, кроме меня, этого же мнения придерживается разве что моя жена, которая занималась отрисовкой комикса по моему сценарию. Насколько мне известно, большинство экземпляров по-прежнему пылятся на складе издателя, так что это очередное фиаско. Удивлен ли я? Наверное, нет.

Глава четвертая. Неизданное

У меня куча незакрытых творческих гештальтов. Иногда кажется, что если бы я довел до ума хотя бы половину из них, то меня бы здесь не было. Печально и жалко, что всего времени моей жизни не хватает на воплощение этих идей. Часть из них – почти готовые повести и романы, другие остались на уровне задумки или же первых строчек, очень скоро заброшенных и позабытых.

«Астролог»

Короткая повесть о журналисте, который устраивается в небольшую газету писать астрологические прогнозы. Внезапно выясняется, что эти прогнозы имеют свойство сбываться, а сам журналист своим характером уж очень напоминает святошу. Он всех прощает, всех любит и в финале жертвует собой ради общего блага. Повесть разделена на три части, названные Евангелиями. В первой действует коллега журналиста, которая влюбляется в него, но этой чистой и большой любви мешает ее неустойчивый и греховный характер. Второе Евангелие – от постоянной читательницы тех самых астрологических прогнозов, которая внезапно понимает, что в них сбывается каждая строчка. Она пользуется открывшейся истиной в корыстных целях, сама заделывается в астрологи и консультирует страждущих за огромные деньги. Наконец, третья часть о лучшем друге главного героя, который в конце повести его предсказуемо предает. Астролог вынужден покинуть город и уехать в закат на пригородной электричке.

«Жалобная книга»

Представляет собой сборник записей, сделанных в жалобной книге некоего отеля. Отель расположен у черта на куличках. Видимо, в прямом смысле этого слова, потому что с течением времени становится понятным, что это не отель, а скорее небольшой филиал ада, возможно, тот, который изображен в «За закрытыми дверями» Сартра. Постояльцы непрерывно жалуются: недостаток вина, еды, теплых одеял и так далее. И дальше будет только хуже, и кто-то даже попытается покинуть отель, но у него, разумеется, ничего не выйдет.

«О(т)печатки»

Мечтаю написать роман из опечаток. Начинаться он будет примерно так:

– Это упейство, – трагично произнес майор.

– Почему вы так в этом уверены, тварищ следователь?

Он вздохнул и посмотрел на меня с таким видом, будто я приехал из глупинки.

– По нему явно вели огонь из мимомета, – терпеливо пояснил он и мотнул головой в сторону развалин: разбомбленный Музей ревностей, поваленное колесо оборзения и расколотый плевательный бассейн. Да, стреляли явно из мимомета.

– Кем он работал? – майор не позволил мне развить эту мысль.

Я торопливо углубился в свои записи.

– Я поговорил с его урководителем... Обычный товарод... В коллективе полное взаимопоминание... Странноватый, конечно... Случались перепои в работе... Космополип... Некоторые его считали винопланетянином.

– Понятно, – почесал в затылке майор. – Горец от ума, в общем.

– Так точно.

Майор покачал головой, и я понял, почему он так переживает. В пошлом году весь состав Министерства утренних

дел был кремирован за перевыполнение плана по раскрытым упияствам, а майор получил личную благодарность от министра. Нежданный «глухарь» (а по выражению лица майора, это так) в начале года – это неприятно.

– Миша, – рявкнул майор в могильный телефон, – мне долго твоих спецов ждать? Ты в подлиции работаешь или на гавпочтамте? Вот такие у нас тут трудовые блудни, – добавил он, дав отбой.

Некоторое время майор стоял, уставившись на киоск по обману валюты. На его стене ветер трепал объявление, предлагавшее услуги непоющих грузчиков.

– А вообще, – продолжил майор, – труп не играет в хоккей. Этот мимометчик далеко не уйдет.

«Великий и могучий»

По-моему, самая страшная из всех возможных антиутопий – это та, в которой к власти в России приходят грамма-наци. Великий и могучий становится истиной в последней инстанции и мерилom патриотизма. Если ты не в состоянии изъясняться на нем как Ломоносов или Пушкин, а также если путаешь слитное и раздельное написание «не», то ты враг народа и пятая колонна. Пропустил удвоенную «н» в слове «удвоенная» – пятьсот часов исправительных работ. Смешал «одевать» и «надевать» – три года строгача. Опечата-лся в фамилии президента – расстрел через повешение.

Все импортные товары подлежат обязательной русификации, равно как и заимствованные иностранные слова. «Гимнастика» обращается в «ловкосилие», «синоним» – в «тождеслово», «эгоист» – в «себятника».

Игнорирование (пренебрежение!) новой языковой конституции (устройства!) приравнивается к криминальному (преступному!) деянию, карается заключением в тюрьму (узилище!) и публичной (всенародной!) казнью.

Импортозамещение в первую очередь касается смыслов. За перевод и публикацию иностранной литературы сажают в застенки Комитета Языковой Безопасности. Злые невыспавшиеся чекисты избивают арестантов словарем Даля.

Вместо английского, французского и немецкого в школах

учат псковский и ростово-суздальский диалекты древнерусского языка.

Президент Мечислав Голицын и его правая рука Нестор Шереметьев, когда-то бывшие обычными учителями русского языка, попали во власть через экстремистские ячейки радикальных русофилов. Попасть в ячейку можно было только через обряд посвящения – убить одного из знакомых, который вечно говорит «звОнит». Согласно преданию, жертвой Голицына стала ничего не подозревающая биологичка. Он нанес ей двадцать ножевых ранений. Указкой. Лазерной.

В кипящем омуте московской ночи Голицын и Шереметьев перечитывают донесения Комитета Языковой Безопасности о группе неизвестных, которые оставляют на стенах правительственных зданий свои чудовищные автографы. Не просто варварские письма, а настоящие протестные лозунги, да еще с этой надменной вызывающей опечаткой (без сомнения, намеренной), от которой у любого образованного человека кровь стынет в жилах, и перехватывает дыхание: «Вам до нас не добратся!»

«Фрилансер»

Мое мнение, что любая творческая личность состоит в определенных отношениях с космосом. Эти отношения можно назвать отношениями наемного характера. «Сверху» поступает заказ об исполнении некоего творческого замысла, а художник/писатель/музыкант этот замысел претворяет в жизнь. Ведь, по сути, неизвестно, откуда берутся идеи. Да, можно все свалить на ассоциативную кору головного мозга, но лично для меня симпатичнее выглядит мысль о том, что «идеи витают в воздухе». Так вот. Моя задумка в том, чтобы сделать книгу, полностью написанную фрилансерами. Я же возьму на себя роль верховного творческого божества. Я до конца не определился, будет ли это связное повествование или сборник рассказов, но в любом случае сквозной темой должен быть «найм» творческого человека, осуществляемый кем-то сверху.

Глава пятая. Коронавирус

А теперь к мировым новостям. Третью неделю мы безвылазно сидим дома. Раз в четыре дня, глубоким вечером, почти ночью выбираемся за покупками. Всему виной – эпидемия коронавируса, которая уничтожила привычный уклад жизни. Знающие люди твердят, что не за горами экономический кризис, резкий рост преступности и прочие ужасы. А я вот, пользуясь случаем, решил книжку написать.

Для большинства людей коронавирус – это удобная возможность не ходить на работу или выполнять ее из дома. Все, кто мог, перешел на удаленку, даже театры показывают спектакли онлайн, а рок-группы играют концерты через интернет. Когда мы договаривались с клиентами о проведении занятий по скайпу, я думал, что почти ничего не изменится, кроме того, что многие просто откажутся переходить на такой формат. Но изменилось практически все. Я абсолютно иначе готовлюсь к таким занятиям. А их проведение подразумевает непрерывный контроль над выполнением заданий и упражнений, потому что нет личного контакта и возможности интуитивно понять, врубается ученик в тему или нет. Короче говоря, я заново открыл для себя профессию.

Происходящее за окном выглядит постапокалиптически. Пустые улицы, по которым разносится голос из динамиков: «Граждане, оставайтесь дома...» В прессе пишут, что изме-

нений не предвидится вплоть до середины лета. К этому времени многие потеряют работу и смысл жизни, конечно. Поэтому не исключено, что это книга совсем не о книге, которую я хочу написать. Она о мире, который гибнет у меня на глазах. Может быть, с ним все будет в порядке, но он уже точно не будет прежним. А про тех, кто застал 2020-й, будут говорить, что они пережили коронавирус. Почетно, не?

Избежать разговора на эту тему было бы сложно. Сейчас не получится включить телевизор или выйти в интернет и не наткнуться на очередную реплику или пост об эпидемии. Коронавирус проникает если не в организм, то по крайней мере в мозг и мысли. Прошлым летом я пересекся с одной журналисткой... две недели назад она умерла. Разве можно после такого утверждать, что меня это не касается или по крайней мере, не коснется в будущем?

На карантине мне нравится, но с удивлением обнаружил, что время в таких условиях течет совсем по-другому. Во-первых, его у меня стало больше. Я не трачу часы на перемещение из одного конца города в другой. Во-вторых, оно улетучивается с непривычной скоростью. Например, сейчас уже 8 вечера, хотя кажется, что обедал я совсем недавно. Самоизоляция началась 2-го апреля, а сейчас уже 17-е число. Словно кто-то другой прожил эти две недели, но кто бы это мог быть?

Глава шестая. Первый читатель

Рассказал о книге жене. Что-то вроде камин-аута. Непросто смириться, что вместо ремонта на балконе буду заниматься непонятно чем. «Ладно хоть не пьет», – сказала бы мама про папу, но у меня даже нет особо вредной привычки, на борьбу с которой можно свалить мое намерение. Жена в курсе про творческий склад моей личности, тем более, что сама участвовала в некоторых проектах. Но есть чувство, что ей было бы приятнее, если б я сообщил нечто более перспективное: «Я устроился работать риэлтором», «А давай сгоняем на острова?», «Отныне мыть душевую кабинку буду я, и не спорь со мной», – это тоже сойдет.

Ее реакция: «Прикольно». Не слишком развернуто и определено, но могло быть и хуже. Потом спросила, кто будет читать книгу, и я честно ответил, что не знаю. Она выдвинула версию, что это пособие для начинающих писателей. Что ж, я это прогнозировал. Ответил, что нет, и предложил ей прочитать пролог.

Я уже хвастался перед ней своими литературными способностями, и однажды она сказала мне, что давным-давно влюбилась не в меня, а в мои рассказы. Мол, написать такие тексты мог только очень добрый и умный человек. Влюбляться в тексты – идея так себе, ведь можно втюриться в какого-нибудь классика, а потом с опозданием узнать, что он уже того,

на Новодевичьем.

Ее реакция на пролог: «Круто». Ну, уже что-то. Она, правда, добавила, что все это лукавство, ведь я профи, но это она, видимо, не хотела меня обижать. Однако насчет лукавства я задумался. Действительно, может быть, хватит прибедняться? Не такой уж я и новичок в этом деле. Могу себе позволить быть уверенным в себе. Но мне, пожалуй, проще замаскироваться под скромного неумеху, чтобы избежать читательской строгости.

Подводя итог, это победа. Не в том смысле, что я написал нечто, чем покорило сердце читателя, а в том, что мне это сердце знакомо и дорого. Ибо все могло быть иначе. Жена заводчанина на его реплику о том, что он будет не шабашки брать, а писать книгу, наверное, рехнулась бы от злости. Но разве заводчанин не имеет права написать книгу? Я бы почитал.

Света – дизайнер, она знает, как тяжело жить без красоты и воображения, которое эту красоту родит. Наверное, поэтому она меня и прощает. В качестве признательности напишу-ка я о ней главу.

Глава седьмая. Света

Это был служебный роман. Я как раз заполучил ту не слишком интересную, но прибыльную должность в пиаре, а спустя две или три недели в тот же кабинет заселилась Света – миниатюрная, дружелюбная, бойкая. За несколько месяцев мы обменялись, возможно, парой фраз, пересекались на проходной, совершили совместную поездку на лифте. В общем, ничего не предвещало. Помню, что на работе она все время носила джинсы, а однажды пришла в платье. Может быть, это и был переломный момент. Кто-то кого-то добавил в соцсетях, последовала несмелая переписка и обмен интересными ссылками, и наконец, я напросился к ней в гости.

Мне и сейчас кажется, что я у нее в гостях, хотя мы давно живем в совместными усилиями приобретенной квартире. Я говорю в том смысле, что если бы я жил сам по себе, то трудно представить, какой бы я развел срач. Света – это гений домашнего уюта, у нее все по полочкам, уборка каждую неделю, и мебель в тон обоев. А еще она вегетарианка и, хоть и не навязывает мне свои взгляды, но питаемся мы исключительно здоровой пищей: минимум сахара, оливковое масло, много овощей, ржаной хлеб, семена льна и так далее.

Сказать, что она изменила мою жизнь – это как сказать, что Советская власть изменила Россию. И дело, конечно, не в оливковом масле. У нас были трудные времена, разруши-

тельные ссоры, и однажды мы даже разъезжались по разным квартирам. Я понимал, что все идет как по накатанной: события развивались точно также, как во всех моих прошлых отношениях. От эйфории к упадку. Все заканчивалось тем, что я увлекался другим человеком.

В случае со Светой я принял решение разобраться не с отношениями, а с самим собой. Я пошел к психотерапевту, перелопатил уйму литературы. Пришло ли облегчение? Нет, больше того, все стало еще хуже, и в какой-то момент ссоры происходили чуть ли не ежедневно, но потом – совершенно внезапно – я понял, что что-то изменилось. И когда говоришь это слово – «изменение» – думается, что я начал что-то делать по-другому, изменил свои взгляды или отношение. Но в моем случае изменение состояло в том, что из меня просто что-то исчезло, будто вытряхнули камень из ботинка.

Я по-прежнему обидчивый, ленивый, меланхоличный и падаю духом почем зря, но единственное отличие, что всем этим я пытаюсь не отравлять жизнь другим людям и прежде всего Свете. И вообще, в какой-то момент я понял, что с другими людьми мне гораздо сложнее, чем со Светой. Иногда – невыносимо сложнее. С ней я стал еще большим интровертом и потому еще сильнее стал ценить ее компанию.

К моему творчеству она относится с пониманием, а иногда восхищением. Говорит, что не представляет, как так можно – сесть за компьютер и за несколько минут, не ломая голову, написать красивый текст. Не подозревает, что это де-

ло привычки. Не буду ее разубеждать.

Если не считать ее участия в создании комикса, то помощь с ее стороны в моих начинаниях заключается в отсутствии помех. И ведь я не в курсе, а вдруг на это требуются серьезные волевые усилия? Вдруг она подавляет в себе желание заорать про неотремонтированный балкон или то, что в отпуске последний раз мы были год назад.

Я горжусь тем, какие мы. И, конечно же, без этой главы, хоть она и не имеет отношения к написанию книги, было не обойтись.

Глава восьмая. Рецензия на “Книгу о том, как я написал эту книгу”

«Книга о том, как я написал эту книгу» будит интерес названием. В нем заложена информация о главном герое (автор) и насущной цели (написание книги). Рекурсивность (книга о книге о книге о книге...), очевидно, служит ироническим приемом и настраивает на комедийный лад, однако автор оговаривается: шутки в сторону. Произведение представляет собой исповедь (или дневник) человека, который решил взять и сделать – написать книгу, за которую не стыдно.

Глядя на прилавки книжных магазинов, под завязку заставленные литературой на любой вкус и цвет, можно подумать, что писательство – это не слишком трудозатратный процесс. Но вот мы получили подтверждение, насколько это сложно – задумать нечто удачное, а затем без помарок воплотить его в жизнь. Автор «Книги...» сражается с боязнью чистого листа, прокрастинацией, творческими кризисами и другими врагами начинающих авторов. Своими действиями он подтверждает, что писатели – такие же люди и точно также не любят, когда у них что-нибудь не получается.

Автор признается, что он не новичок в писательстве, но предыдущие его вещи – давнишние рассказы или неопубли-

кованные романы – вызывают у него разве что ностальгию и сожаление о том, что они не получились, какими хотелось. В этом смысле «Книга...» – шанс сделать все по гамбургскому счету, свести дебит с кредитом, закрыть гештальт.

Это честная, почти откровенная и довольно печальная книга об одинокой попытке следовать зову тревожного сердца. Несмотря на бодрый тон и фирменную иронию, на каждой странице прослеживается, что замысел обречен. Да, книга опубликована, и, насколько мне известно, снискала определенную популярность, но все же перспективы столь специфичного текста очень сомнительные. И это, конечно же, не вина автора, а общее положение дел. Что ждет «Книгу...»? В лучшем случае ее переиздадут таким же скромным тиражом, а потом...

Неопределенность – вот в каком состоянии живут те, кто посвятил свою жизнь творчеству. Что будет завтра, а тем более послезавтра? И речь не о том, смогут ли они продолжить писать (рисовать маслом, вышивать крестиком), но и о том, что к тому времени будет с окружающим миром. «Книга...» написана в разгар эпидемии коронавируса и, кроме прочего, призвана зафиксировать ускользающий миг хрупкого равновесия. Мы понимаем: над творчеством вечно висит дамоклов меч. Чуть сдвинутся тектонические плиты – и уже не до книжек, нужно срочно закупать крупы и туалетную бумагу.

Книга совсем не о книге. И не о том, кто ее написал. И не о его писательских навыках. Она о нас, смущенных и напуган-

ных, ждущих света в конце тоннеля. У всех своя книга о том, как мы пишем эту книгу, в смысле, живем эту жизнь. С печатками, шутками и, разумеется, предсказуемым финалом.

Глава девятая. Опережая план

Работаю на форсаже. Вначале ставил себе норму – одна глава в день. Каждая глава в районе трех тысяч знаков. Таким образом за неделю будет набираться двадцать тысяч знаков. Половина авторского листа. Кто не знает, в издательской среде объем книги вычисляют авторскими листами. В средней по объему книжке их должно быть минимум десять.

Но вот уже второй день кряду я пишу по три главы за один присест и даже не знаю, как к этому относиться. Вдруг этот запал скоро иссякнет, как оно бывало раньше. Стараюсь определить, что меня мотивирует. Есть подозрение, что мне гораздо проще двигаться по заранее подготовленному плану. Да, он у меня есть, пусть это никого не шокирует. И фальшивая рецензия, опубликованная в прошлой главе, тоже часть плана.

Кстати, как она вам? Это не первый раз, когда пишу рецензии на собственные произведения. Хвалебные рецензии, конечно же. Так было и с «Аутсайдером», футбольным детективом. После публикации в магазинах электронных книг я понял, что ее банально никто не покупает. Тогда я воспользовался служебным положением и написал на нее отзыв, который по старой дружбе опубликовали в деловом издании, где я раньше работал журналистом. Здесь мне хотелось бы написать про эффект разорвавшейся бомбы, но, кажется, я

забыл выдернуть чеку. Никакого результата это не принесло, и опыт самовосхваления показался мне довольно утомительным.

Рецензия из восьмой главы далась гораздо проще. Я, безусловно, иронизировал – ведь это было очевидно? Но в принципе, это интересный прием – написать отзыв о произведении, которое только в планах. Позволяет определиться с тем, какой эффект ты хочешь им произвести. Я про «Книгу...» понял, например, важную вещь: как бы я не выгораживал из нее писательство, она все равно про писательство. Другое дело, что под писательством каждый поймет что захочет. И я не буду против.

Чем больше пишешь, тем больше пишешь. И легче. Некоторые фразы или абзацы получаются «по инерции». Предполагаю, что в них будет, что исправить, но для меня важнее набрать критическую массу текста, убедить самого себя, что отступать поздно и некуда.

Но, Хьюстон, у нас проблема. Отсутствие сложностей и конфликта. Главный герой должен терпеть, страдать и с каждым шагом наткаться на какую-нибудь жуть: стервозная жена, назойливые кредиторы, рак слепой кишки. Во-первых, ему нужно читательское сочувствие, во-вторых, через преодоление сложностей герой развивается, чтобы к концу повествования не остаться таким же тупицей, каким был вначале. И с этим у нас пока что напряженка. Но что-то мне подсказывает...

Глава десятая. Происшествие

Со мной на связь вышел литературный агент. Позвонил утром и сказал, что необходимо встретиться. Он не назвал-ся, а я не успел спросить, откуда у него мой номер. Весь день я ходил взбудораженный и с удовольствием представлял наш разговор: он восторгается моими рассказами, на которые случайно наткнулся в сети, и предлагает выпустить их сборник, но я хожу с козырей и сообщаю, что прямо сейчас работаю над любопытным текстом, и он гораздо лучше рассказов... Фантазировать занимательно, но я понимал, что ему нужно нечто другое. И я не ошибся.

Рандеву назначили в кафе. Как только переступаю порог, из-за столика поднимается и шагает мне навстречу довольно массивный субъект не самой привычной наружности.

– Горазд, – говорит он.

– Что, простите? – переспрашиваю я.

– Горазд, – повторяет он. – Горазд Петрович Знатный. Это мое имя. Настоящее.

– Понятно, – говорю я и начинаю подозревать, что столкнулся с психом.

Румянец, едва заметная плешь, доисторический мобильник, который он то и дело проверяет с самым серьезным видом, ремень с чудовищной бляхой в виде головы Медузы Горгоны... Вспоминаются лишь незначительные подробно-

сти его внешнего облика, но не получается составить из них целостное представление. Эти подробности будто призваны отвлечь наблюдателя от черт лица и особых примет.

– У вас любопытные тексты, – с места в карьер начинает он. – Знаете, почему их никто не публикует? Из-за вашей фамилии. Она совершенно не писательская. Чупахин. Нет-нет-нет-нет-нет-нет. Нужно что-нибудь... иное.

– Я и под псевдонимом писал, – замечаю я.

– Хотите, я одолжу вам свою фамилию? – смеется Горазд. – Она «выстрелит», я обещаю.

Кафе под стать Горазду: нелепая (одна-единственная) картина на стене, официант без двух пальцев на правой руке. Страшно, будто выстрел в спину, хлопает входная дверь. Уйма резких деталей, но не вспомню главное, например, как называлось это заведение и где оно находилось.

– Знаете, почему вас никто не публикует? – спрашивает он.

Я начинаю раздражаться.

– Вы уже говорили. Из-за моей фамилии.

– Нет-нет-нет-нет-нет, я шутил, – отмахивается Горазд.

– Тогда, видимо, потому, что я плохой писатель, а в чем, собственно, предмет нашего разговора?

Бармен с размаху и без предупреждения произносит матерное слово. Я оборачиваюсь на него в недоумении. Почему-то никому, кроме меня, до этого нет дела. Ненормальный какой-то.

– Предмет нашего разговора, господин Чупахин, в том, что вы хороший писатель, который пишет дрянные книги.

– Спасибо, – отвечаю я рассеянно. – Я сомневаюсь, что ваше предложение меня заинтересует.

– Какое еще предложение? – хмурится Горазд.

Рехнулся он, что ли.

– Ну, вы же литературный агент, – говорю я. – Если вы считаете меня хорошим писателем, то, очевидно, пригласили меня, чтобы...

– Нет-нет-нет-нет...

Это его «нет-нет-нет» порядком раздражает, как будто бы нельзя обойтись одним «нет».

– Точнее, – говорит он, – да, я литературный агент, но, скажем так, в ином смысле.

– А какой, простите, здесь может быть иной смысл?

– Ну... – он прокашливается. – Давайте так. Персонально вы, господин Чупахин, меня мало интересуете. Не сочтите за грубость. Меня интересует то, что вы в состоянии написать.

Звенит чей-то взбалмошный мобильник. Они тут сговорились или как?

– Я, – продолжает Горазд, – работаю не на конкретных авторов, а на отрасль. – Он широко улыбается. – Я за хорошую литературу.

– Я тоже за хорошую литературу, – легко соглашаюсь я. – Но извините, я ни черта не понимаю из того, что вы тут несете.

– Я слышал про «Книгу...»

Я настораживаюсь.

– Про какую еще книгу?

– Про «Книгу о том, как я написал эту книгу».

Я вздрагиваю.

– Откуда вы...

Действительно, откуда он про нее знает? Я рассказывал о ней только Свете, и что-то я сомневаюсь, что она рассказала о ней кому-то еще. Он что, залез в мой компьютер? Как он это сделал?

– И она меня интересуется, – добавляет Горазд.

– Как вы о ней узнали? – сглотнув, спрашиваю я.

– Она слишком значительна, чтобы писать ее в стол, согласны?

– Как вы о ней узнали? – повторяю я.

– Но замысел в опасности, – говорит Горазд. – Вы же знаете, как легко вас зажигает какая-нибудь идея и как внезапно потом все заканчивается. Вы очень непостоянный, господин Чупахин, вы лентяй.

– Если вы не скажете мне, откуда знаете про «Книгу...», я уйду.

– Очень не хотелось бы, чтобы вы забросили ее точно также, как поступили с «Жалобной книгой», «Астрологом» и другими вещами. Они тоже были неплохими, но не такими выдающимися, как «Книга...»

Он и о других романах знает. Хотя я их никуда не выкла-

дывал.

– Официант, счет, – бросаю я.

– Или вы так и будете...

– Горазд, – отсекаю его я. – Довольно.

– Если бы вы могли написать «Книгу...» и написать ее, как вам хочется. Без мучений, с удовольствием, вдохновенно. И при этом знать, что она будет интересна миллионам. Знать, что вы пишете шедевр. И его обязательно опубликуют. Я могу все это устроить. Если бы все это знали – вы бы пошли на такое? И что бы вы готовы были отдать взамен?

Глава одиннадцатая.

Конкуренция (внутренняя)

«Остросюжетная» глава упрекает всю остальную книгу в нехватке событийного напряжения и конфликта. Но жизнь у меня совершенно без интриги, и я, можно сказать, катаюсь как сыр в масле в сравнении с нормальными писателями. Нормальные – это те, кто работал в съемных каморках и закладывал последний пиджак, чтобы купить бумагу для печатной машинки.

Мои «проблемы» иного рода. Иногда не хватает свободного времени на книгу из-за занятости на преподавательском фронте. Иногда с книгой начинают конкурировать другие идеи. Разбирая архивы в поисках материала для четвертой главы («Неизданное»), наткнулся на отрывок романа «Пленник». Горазд – он как раз оттуда. Роман начинается с того, что мы видим испуганного человека, который строит на печатной машинке, сидя на одном из верхних этажей заброшенной высотки. Печатная машинка заминирована, и если человек делает паузу, то начинается обратный отсчет: 5... 4... 3... Чтобы выжить, пленник должен что-то постоянно печатать. И вместо того, чтобы хаотически нажимать на клавиши, он решает написать исповедь о событиях, которые привели его в эту комнату. Его рассказ начинается со

знакомства с Гораздом Знатным.

Эпизод включен в десятую главу в измененном виде, но последствия угадываются: писатель закладывает душу в обмен на успех его книг. Он, однако, не в курсе, что материал для книг на дороге не валяется, и его еще нужно будет заполучить. Горазд втягивает его в приключения: участие в эротической секте, похищение, а в финале – заминированная печатная машинка. Сюжет станет бестселлером, но судя по всему, погубит автора.

Я прочитал несколько страниц «Пленника» и пожалел, что забросил его. Начал тут же кое-что править и переписывать. Главы об участии героя в эротической секте показались странноватыми. Были претензии к мотивации персонажей. Я погрузился в работу и едва сумел переключиться на «Книгу...»

Хорошо, что этот порыв быстро прошел. На следующий день я вновь перечитал начало «Пленника», и на этот раз оно мне показалось посредственным. Роман вполне заслужил забвения, чего я с ним возился, непонятно. Подозреваю, что то же самое однажды произойдет и с этим текстом.

Чем дольше пишешь книгу, тем больше хочется отвлечься на другое. На пару рассказов. К этому времени накопился целый ворох идей, они просятся на бумагу, а ты должен заниматься этой тягомотиной, у которой ни конца ни края. Роман не зря называется романом. Похоже на любовные отношения: первые страницы пишешь в захлеб, но со временем

замысел не кажется безупречным, и вообще, все это трата времени. И если подвернется интересная новелла... что ж, почему бы не отвлечься и не снять напряжение. И труссы.

«Пленник» – это полбеда. Наваливаются воспоминания о ненарисованных комиксах, недоделанных компьютерных и настольных играх (я и в этом себя пробовал). Возникает уйма замыслов «по работе». В принципе, ничего страшного, я привык к многозадачности еще в бытность пиарщика, но «Книге...» от этого не станет лучше.

Работаю с этим так. Говорю себе, что идея – это только начало. Гениальную идею можно запороть в два счета, а из паршивой сделать потрясающий продукт. На этапе появления и развития идеи сложно спрогнозировать, какой путь тебя ожидает. Мне, разумеется, мерещится непревзойденный результат, но где гарантия, что так все и будет? Постепенно такие рассуждения остужают желание заняться чем-то посторонним. Вдруг это спасет чью-то нетленку. Не благодарите.

Глава двенадцатая.

Конкуренция (внешняя)

В интернете говорят: «Всегда найдется китаец, который делает это лучше, чем ты». Стать рекордсменом нереально: с тобой конкурируют миллионы, из борьбы не выйти победителем. Кто-то скажет, заниматься любимым делом можно просто так, без оглядки на других, и это правда, но когда ты видишь, что до условного китайца тебе пахать и пахать, становится не по себе. Сохранить мотивацию и адекватное восприятие своих усилий в таких обстоятельствах сложно.

Ненавижу классиков. На фоне их произведений мои потуги – это пыль и пепел. Любое дуновение развеет их в разные стороны. Больше всех меня достает Набоков. Я одним махом прочел его вещи в студенчестве (не дочитал только «Бледный огонь», потому что это уже не Набоков, а поехавший кукухой стилист) и с тех пор стараюсь не иметь с ними дела. Они безупречны. Каждый знак препинания по делу. Они будто и не текст вовсе, а скульптура. Их не написали, а сваяли, возвели. Набоков – это укор всем современным писателям. Пока есть его книги или память о них, заниматься литературой слегка неловко, как будто по ошибке забрел в чужую квартиру и сейчас занят поисками выхода. Ненавижу Набокова.

Толстой еще хуже. Как, скажите, пожалуйста, можно быть таким плодовитым в XIX веке? Ни тебе ноутбуков, ни планшетов. Все пишешь от руки, а потом этот текст надо еще как-то в печатный вид перевести. И ничего, Толстой справлялся. Написал столько, сколько я за три жизни не смогу. Козел.

В Достоевском бесит его всепрощение. Я не могу выйти из дома, чтобы не получить душевную травму: повсюду пьянь, быдло и тупицы. Подозреваю, что это сказывается на текстах. А Достоевский предлагает их всех прощать. И тексты его от этого лучатся таким добром, что глазам читать больно, аж слезиться начинают.

Окей, обратимся тогда к современности. Здесь каждый одноглазый имеет шанс стать королем в стране слепых. Это я про себя. Недавно прочитал «Весь невидимый нам свет» Энтони Дорра. А потом еще пару-тройку его сборников с рассказами. Подумал, что мне не только с литературой надо завязывать, но и прекращать жить. Ощутил себя ничтожеством. С тем же успехом можно насыпать на клавиатуру зерна и дать курице его склевать. Тоже получится текст. Вот и я туда же. Тычу в клавиши и стараюсь убедить себя, что делаю это осознанно. А Дорр – он изливает душу. Признается в любви истории и природе. Хвалить такие книги странно, это то же самое, что хвалить кислород или воду.

Писательство – не мое. Это чье-то, но не мое. Писательство оно для всех тех, чьи произведения плотными рядами стоят на полках в книжных магазинах. Они смогли, проби-

лись. Имя им – легион. Легион смелых, талантливый, а порой и гениальных авторов. Они писали о науке, искусстве, приключениях и любви. Они заслужили награду – видеть обложки со своими именами на полках в книжных магазинах. А я... раньше я думал, что я что-то делаю не так, но теперь я просто понимаю, что я не из их числа.

Что ж, мне предстоит нелегкий труд – написать книгу наперекор этой безжалостной истине.

Глава тринадцатая.

Все против меня

Я же писатель, мне нужен сайт. Подумал я и почему-то решил, что это проще пареной репы. Выложу туда рассказы, свою черно-белую фотку, ссылки на соцсети. И «Книгу...», хоть она и не закончена, можно там же опубликовать. Решил, что негоже ей пылиться на жестком диске. Зачем это надо:

- 1) Чтобы текст не существовал в единственном экземпляре,
- 2) Вдруг внезапный успех, а у меня нет сайта,
- 3) Дополнительный стимул продолжить работу.

Но как бы не так. Гуманитарного образования не хватило, чтобы освоить конструкторы сайтов. Убил больше часа времени, а толку никакого. Кроме того, бесплатные версии сервисов напичканы ограничениями. За особенно симпатичные фишки нужно платить по 700 рублей в месяц. А чтобы ты и думать забыл о бесплатной версии, сайту дадут монструозный адрес, по которому ни один человек в здравом уме не перейдет: chupakhin3632525363.wordpress.com.

Вряд ли я заброшу эту идею, но пока не приложу ума, как ее реализовать. Самый очевидный вариант – отвергнув неловкость, опубликовать текст на своих страницах в соцсетях, но меня этот вариант не устраивает и по другой причи-

не: посты будут выходить в хронологическом порядке, а значит, читатель, который впервые попадает ко мне на страницу, сначала увидит главу №13, потом – главу №12 и так далее. И чтобы восстановить сюжет, придется читать текст против шерсти, снизу вверх.

Мне не надо много, чтобы пасть духом. Вот и в этот раз заметил, что опускаются руки, и единственное, что спасло меня от творческого кризиса – написание очередной главы. И хоть она повествует о неудаче (тринадцатая же), но по крайней мере, я ее написал.

Звоночек тревожный. Нужно готовить себя к таким проколам, а на сайт плевать, проживу пока без него.

Глава четырнадцатая.

Беда не приходит одна

Как я говорил, любая неудача выбивает меня из колеи. Облом с сайтом не то чтобы поставил меня на колени, но я утратил тот положительный настрой, который подталкивал меня вперед последние дни. Эта ситуация напомнила мне, что кроме книги, мне придется заниматься и другим не самым увлекательным трудом. Править, переписывать, сводить воедино, рассылать по издательствам, ожидать ответа, надеяться на лучшее. А хочется так: написал, пробежал глазами, отправил своему литературному агенту, а через неделю уже выходит книга. Наверное, у кого-то так и есть.

Сейчас 10 вечера, и я печатаю это, преодолевая усталость. Великие книги так, разумеется, не пишут. Я, конечно, нашел себе оправдание: был очень загруженный день, занятия начались в десять утра, а закончились совсем недавно. Передо мной пронеслась череда детских лиц, которым я рассказывал об итальянской защите, сквозных ударах и матовых атаках. Едва хватало времени на то, чтобы перекусить, не говоря уже о том, чтобы что-то написать. Кое-какую работу я все-таки сделал – отредактировал две предыдущие главы, но не могу сказать, что меня это удовлетворило.

Такое бывает редко, я имею ввиду график. Он у меня ща-

дящий, за это и люблю свою работу. Неторопливо просыпаюсь в 8, делаю зарядку, принимаю душ, помогаю жене приготовить завтрак. В течение дня у меня, как правило, есть несколько окон по 2-3 часа. Я предоставлен сам себе, но в то же время несколько ограничен по времени, поэтому если берусь за книгу, то пишу интенсивно и старательно. Могу за один присест выдать сразу несколько глав. Если свободен вечер, то выделяю минут десять, чтобы сообразить, о чем буду писать завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.